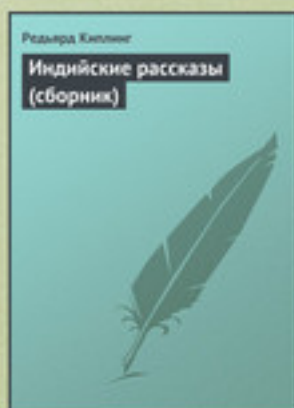

Редьярд Киплинг

Воскресение на родине

*Часть сборника
Индийские рассказы (сборник)*

Редъярд Киплинг

Воскресение на родине

«Public Domain»

1895

Киплинг Р. Д.

Воскресение на родине / Р. Д. Киплинг — «Public Domain», 1895

«По его невоспроизводимой манере произносить букву «р» я узнал в нем уроженца Нью-Йорка; а когда он во время нашего длинного, медленного пути к западу от Ватерлоо стал распространяться о красоте своего города, я, объявив, что ничего не знаю об этом городе, не сказал больше ни слова. Удивлённый и восхищённый вежливостью лондонского носильщика, незнакомец дал ему шиллинг за то, что он пронёс его мешок на расстоянии около пятидесяти ярдов; ньюйоркец подробно осмотрел уборную первого класса, которой лондонская и юго-западная дороги позволяют иногда пользоваться бесплатно; потом с чувством страха, смешанного с презрением, но сильно заинтересованный, стал смотреть в окно на аккуратненький английский пейзаж, словно погруженный в воскресный покой. Я наблюдал, как выражение удивления постепенно усиливалось на его лице...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

7

Редьярд Джозеф Киплинг

Воскресение на родине

По его невоспроизводимой манере произносить букву «р» я узнал в нем уроженца Нью-Йорка; а когда он во время нашего длинного, медленного пути к западу от Ватерлоо стал распространяться о красоте своего города, я, объявив, что ничего не знаю об этом городе, не сказал больше ни слова. Удивлённый и восхищённый вежливостью лондонского носильщика, незнакомец дал ему шиллинг за то, что он пронёс его мешок на расстоянии около пятидесяти ярдов; ньюйоркец подробно осмотрел уборную первого класса, которой лондонская и юго-западная дороги позволяют иногда пользоваться бесплатно; потом с чувством страха, смешанного с презрением, но сильно заинтересованный, стал смотреть в окно на аккуратненький английский пейзаж, словно погруженный в воскресный покой. Я наблюдал, как выражение удивления постепенно усиливалось на его лице. Почему вагоны так коротки и высоки? Почему некоторые товарные вагоны покрыты брезентами? Какое жалованье может получать инженер? Где же то многолюдное население Англии, о котором он столько читал? Какое положение всех этих людей, что проезжают по дороге на трициклетах? Когда мы будем в Плимуте?

Я сказал ему все, что знал, и многое, чего не знал. Он отправлялся в Плимут, чтобы принять участие в консультации насчёт болезни одного из его соотечественников, который удалился в окрестности этого города, чтобы излечиться от нервной диспепсии. Да он сам доктор по профессии, и каким образом кто-нибудь в Англии может страдать нервным расстройством – это превосходит его понимание. Никогда ему не грезилась такая успокаивающая атмосфера. Даже сильный шум движения в Лондоне – монастырский покой по сравнению с городами, которые он мог бы назвать; а сельская местность – это рай. Долгое пребывание там свело бы его с ума, признавался он; но на несколько месяцев – это самое чудесное лечение отдыхом.

– Я буду приезжать каждый год, – сказал он в порыве восторга, когда мы ехали среди двух изгородей из белого и розового боярышника в десять футов высоты. – Видеть все то, о чем читал! Конечно, для вас это не поразительно. Я думаю, вы – гражданин этой страны. Что это за совершенная страна! Разве это привитое? Вероятно, уже прирождённое. А там, где я жил... Эй, что это такое?

Поезд остановился при ярком солнечном свете на станции Фремлингэм-Адмирал, которая состояла исключительно из столба с дощечкой с надписью, двух платформ и мостика наверху; не было даже разъездных путей. Никогда, насколько я знал, здесь не останавливался ни один из самых медленных местных поездов; но в воскресенье все возможно на лондонской и юго-западной дорогах. Слышно было жужжание разговоров в вагонах и ещё более громкое жужжание шмелей в кустах желтофиолей на берегу. Мой спутник высунулся из окна и с наслаждением втянул воздух.

– Где мы теперь? – спросил он.

– В Уилтшайре, – сказал я.

– А! В такой стране человек должен был бы уметь писать романы даже левой рукой. Ну, ну. Итак, это приблизительно страна Тесса, не правда ли? Я чувствую себя как будто я в книге. А у кондуктора что-то на уме. Чего он добивается?

Кондуктор, великолепно одетый, со значком и с поясом, шёл по платформе размеренным, официальным шагом и размеренным же, официальным тоном говорил у дверей каждого вагона:

– Нет ли у кого-нибудь из джентльменов пузырька с лекарством? Один джентльмен по ошибке взял пузырёк с опиумом.¹

¹ Недоразумение, на котором основан этот рассказ, происходит от двоякого значения выражения «has taken» – взял и

Через каждые пять шагов он смотрел на официальную телеграмму в руке, словно освежая себе память, и повторял свои слова. Мечтательное выражение лица моего спутника – он унёсся вдаль с Тессом – исчезло с быстротой молнии. Со свойственной его соотечественникам способностью быстро приспосабливаться к обстоятельствам, он оказался на высоте положения, сбросил с сетки свой мешок, открыл его, и я услышал звон пузырьков.

– Узнайте, где этот человек, – отрывисто проговорил он. – Я нашёл тут средство, которое может помочь ему, если он ещё в состоянии глотать.

Я поспешно побежал за кондуктором вдоль ряда вагонов. В последнем купе слышался страшный шум – кто-то громко кричал, чтобы его выпустили, и ударял ногами в дверь. Я не разглядел доктора из Нью-Йорка, который быстро шёл по направлению к купе, неся в руке синий стакан из умывальной, наполненный до краёв. Кондуктора я увидел у паровоза. Он неофициально почёсывал в голове и шептал:

– Я выбросил какую-то бутылочку с лекарством в Эндове́ре, я уверен, что выбросил.

– Во всяком случае, скажи ещё раз, – сказал машинист. – Приказание всегда приказание. Повтори ещё раз.

Кондуктор ещё раз прошёл вдоль вагонов. Я шёл за ним по пятам, стараясь привлечь его внимание.

– Минутку, одну минутку, сэр, – сказал он, размахивая рукой, которая одним взмахом могла бы изменить направление движения на лондонской и юго-западной дорогах. – Не было ли у кого-нибудь пузырька с лекарством? Один джентльмен взял по ошибке пузырёк с ядом, опиумом.

– Где этот человек? – задыхаясь, спросил я.

– В Уокинге. Вот отданное мне приказание. – Он показал мне телеграмму, в которой было указано, что следовало ему говорить. – Должно быть, он оставил в поезде один пузырёк и взял по ошибке другой. Он в отчаянии телеграфировал из Уокинга, а теперь я вспомнил и почти уверен, что я выбросил какой-то пузырёк в Эндове́ре.

– Так в поезде нет человека, который принял яд?

– Господи, Боже мой, сэр! Конечно, нет. Никто яду не принимал. Он просто вёз его с собой, держал в руках. Он телеграфирует из Уокинга. Мне было приказано опросить всех в поезде; я это сделал, и мы опоздали на четыре минуты. Вы входите, сэр? Нет? Так отойдите!

За исключением английского языка, может быть, нет ничего ужаснее порядков на английской железнодорожной линии. Мгновение перед тем казалось, что мы проведём целую вечность на Фремлингэм-Адмирал, а теперь я видел уже, как хвост поезда исчезал за изгибом выемки.

Но я был не один. На одной из скамеек нижней платформы сидел самый громадный матрос, какого я видал в жизни, размягчённый и ставший любезным (он широко улыбался) от выпитого им вина. В огромных руках он нежно держал пустой стакан с буквами: «Л. Ю. З. Д.»², внутри которого виднелись полосы сине-голубого цвета – следы какой-то жидкости. Перед ним, положив ему на плечо руку, стоял доктор. Подойдя ближе, я услышал, как он говорил:

– Потерпите ещё минуту-другую, и вам будет так хорошо, как никогда в жизни. Я останусь с вами, пока вам не станет лучше.

– Господи, Боже мой! Да мне совсем хорошо, – сказал матрос. – Никогда в жизни не чувствовал себя лучше.

принял.

² Лондонская юго-западная дорога.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.